

Русская мысль

Год 29. Книга 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Р89

Р89 Русская мысль: Год 29. Книга 4 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 390 с.

ISBN 978-5-458-02742-7

ISBN 978-5-458-02742-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

БЫЛЪ И ТАКОЙ.

I.

Десятый часъ въ исходѣ.

Ночные собираются. Которые ужъ выѣхали, а тѣ запрягать пошли; запоздавшіе ужинаютъ. Изъ денныхъ, кто поплоче, еще никого нѣтъ.

Въ горницѣ мутно, паромъ, щами, тулупомъ и лугомъ припахиваетъ. А такъ ничего, чисто: дворъ хорошій. И вухарка молодая и бойкая.

— Чтобъ васъ, лопаютъ! Третью корчагу на столъ волоку; миѣ что, хозяйское добро, да руки обломала!

— А ты не лайся, Бутафья Роговна. Небось въ деревнѣ за коровами ходила—не такія корчаги таскала.

— Борытами таскала, братцы. Потому не за коровами она, за свиньями. Свиной кормила.

— Тѣфу-те, окаянныя. И въ деревнѣ-то твоей отродясь не бывала. Боренная я петербургская. За свиньями о-сю пору не хаживала, вотъ за вами только впервой, попутала нелегкая на старости лѣтъ.

— Ладно, старуха, шевели жиромъ-то, поторапливайся. Выѣзжать пора.

Ругаются, а впрочемъ, все по хорошему. Смѣются.

Валерьянъ вошелъ, толстый въ новомъ кафтанѣ, заиндевѣлый. Снялъ шапку, помолился.

— Никакъ Иванъ Трофимовъ? Раненько.

У Валерьяна былъ выѣздъ самый лучшій, потому что человекъ подходящий, да и съ залогомъ служилъ.

Съ хорошими выѣздами всѣ поздно возвращались, а Иванъ Трофимовъ позднѣе всѣхъ, такъ за нимъ и знали.

— Да чего,—сказалъ Валерьянъ.—Свое выѣздилъ, съ лишкомъ съ хорошимъ, чего еще? Студено дуже.

— Студено-то оно студено. Разсчитываться пойдешь, что-ль? Золъ страсть, да и пьянъ. Со вчерашняго еще.

— Ладно и такъ. Обряжусь—пойду.

Разсчетъ съ хозяиномъ у нихъ бывалъ каждый выѣздъ. Хозяина каморка рядомъ, тутъ же, изъ сѣней. Вдовый, злой,—да ничего, жить можно.

Валерьянъ жилъ у него ужъ шестую недѣлю. Работалъ исправно, потому что за совѣсть. Веселый былъ, молодой, грамотный. По паспорту онъ значился Иваномъ Трофимовымъ, Тамбовской губернии. Земляки у него были, да что-то незнакомы: деревня, что ли, его глухая.

Онъ о деревнѣ никогда и не рассказывалъ. Когда что и рассказывать? Извозное дѣло такое, приѣдешь, иззябнешь, умаешься. И поругаться-то какъ слѣдуетъ часа нѣтъ. А у Валерьяна, кромѣ извознаго дѣла, было еще другое, свое. И дѣло это было—шпионское.

Убрался, поѣлъ, пошелъ къ хозяину расчесться; по-хорошему обошлось. Въ горницы ужъ разошлись, кто остался—спать полегли. Мавра и лампочку притушила, за занавѣской у себя копается.

— Дожитья, что-ль, будешь?

Валерьянъ сталъ укладываться.

Это ему недавно только пришло въ голову, что его дѣло—шпионское. Недавно про себя его такъ назвалъ.

Не спится. Какъ будто думается. Шестъ недѣль все какъ будто думается. Говорить-то вѣдь не съ кѣмъ. Не видится со своими. Видится съ ними,—съ извозчиками. А они—чужіе. Любовно, сердечно—развѣ съ лошадейю одной и поговоришь, да вѣдь съ ней, только объ ея, объ лошадиномъ. Валерьянова она не пойметъ, а коли и пойметъ—ничего не отвѣтитъ. Еще подслушаетъ другой кто-нибудь, кому ненужно.

Впрочемъ, и своимъ—Валерьянъ себя теперешняго не открылъ бы. Не сумѣлъ бы. Да и нужно ли имъ?

Бываютъ дни, когда солнце горитъ надъ блѣднымъ городомъ, горять снѣга. Валерьянъ мчится съ сѣдокомъ, или одинъ, куда ему нужно, натягиваются и упруго вздрагиваютъ вожжи, ключи теплаго лошадиного пара и дымъ взрытыхъ снѣжинокъ, серебряный и жгучій, летитъ ему въ лицо... Хорошо...

Тогда нѣтъ Валерьяна, ни прежняго, ни новаго. Только и знаетъ онъ, что ласку солнца надъ собой, вѣтеръ воздуха вокругъ себя... Хорошо... или нѣтъ не хорошо, а просто—такъ оно есть.

Рѣдкія это минуты. И все рѣже онѣ. Отчего?

Съ головой закрывшись жаркимъ тулупомъ, въ натопленной горницѣ, подъ притушенной лампочкой, подъ храпъ извозчиковъ—соображаетъ что-то про себя Валерьянъ.

Обрывками. То одно, то другое. Усталъ онъ. То стихи какіе-то начинаютъ выдумываться, какъ прежде, бывало, сами, строчка за строчкой. Записать вѣдь нельзя,—пусть ихъ; придуть, сложатся, станутъ—и опять снигнутъ, точно обвалятся въ темноту.

И снова о дѣлѣ. А дѣло шпионское.

Что-жь, дурное, скверное? Да нѣтъ же, нѣтъ, святое дѣло, правое дѣло. Это онъ знаетъ. Это, можетъ быть, единственно, что онъ знаетъ твердо, незыблемо, безповоротно—даже страшно, когда человѣкъ что-нибудь такъ безповоротно знаетъ.

А всетаки дѣло его шпионское.

Валерьянъ тайно слѣдилъ за извѣстнымъ ему человѣкомъ, для того, чтобы узнать его привычки, его движенія и чтобы затѣмъ, передавъ узнанное тайнымъ друзьямъ своимъ, сговориться вмѣстѣ, какъ удобнѣе, вѣрнѣе,—этого выслѣженнаго человѣка убить.

Но и другіе люди—враги Валерьяна, а не друзья—тоже слѣдили, и тоже тайно, за нимъ самимъ и за его друзьями. Тоже старались узнавать ихъ лица и движенія, для того, чтобы, выслѣдивъ, рассказать и указать на нихъ своимъ и, взявъ, тоже убить.

Эти другіе люди, враги, такъ и назывались «шпионы» или «фи-леры»—слѣдители.

Дѣлали они всё, и тѣ, и эти, одно и то же дѣло, дни проходили въ той же самой утомительной работѣ. Только «шпионское» дѣло было несомнѣнно дурное, гадкое дѣло, а валерьяновское, хотя тоже шпионское, несомнѣнно хорошее и святое.

Гдѣ же начинается раздѣляющая линія? Гдѣ она начинается?...

Впрочемъ, все равно; нить думъ обрывалась. Тошно млѣло сердце, стучали отрывистыя слова: такъ стучать копыта по деревянной настилкѣ моста. Давнія воспомнанія о какой-то дачѣ, о какой-то сирени, потомъ опять стихи, тоже давніе:

Въ помощи сила наша совершается...
Въ несправедливости зрѣеть любовь...
Насиліе силой одной побѣждается...
Есть ли заповѣдь: кровь за кровь?

Заснулъ. Не думается по ночамъ, какъ прежде. Пустьъ какъ-то стало внутри. Незамѣтно. Давно ли?

II.

У Валерьяна бывали неудачи. У друзей его бывали неудачи. У враговъ тоже бывали неудачи и удачи. Но сравнительно Валерьянъ могъ похвалиться успѣхомъ. Особенно послѣднее время.

Живаль онъ и прежде въ такомъ же, приблизительно, положеніи: былъ не извозчикомъ, а посыльнымъ, Корнеемъ Власьевымъ. Мерзъ, уставаль, слѣдилъ—выслѣдилъ. Былъ онъ тогда въ артели—хотя жилъ въ углу. Когда кончилъ—выписался, собралъ пожитки, выѣхалъ на родину,—какъ и теперь скоро выѣдетъ, должно быть.

Мерзъ, уставаль, такъ же одинъ былъ все время. Думалось тогда о многомъ. По ночамъ не спалось, не то мука, не то гнѣвъ, не то молитва въ душѣ. Работалъ зато хуже, не умѣлъ еще, и желѣза нужнаго еще не было въ немъ. Молитва и теперь приходитъ, да иная. А думъ этихъ, гнѣва этого прежняго—нѣту больше.

Дѣло тогда вышло удачное.

Валерьянъ не зналъ, ему ли самому поручено оно будетъ, но случилось, что ему.

И такъ просто, такъ хорошо и скоро...

Вошелъ, прекрасно одѣтый, въ сумерки, въ нужныя ворота. Встрѣтилъ, какъ и ожидалъ, въ дворовомъ садикѣ нужнаго человѣка. Въ упоръ, въ голову, навѣрняка, выстрѣлилъ два раза. Когда тотъ падалъ—перескочилъ въ секунду задній заборъ. На новомъ, темномъ и пустомъ дворѣ, откуда былъ ходъ въ противоположную улицу, перемѣнилъ мѣховую шапку на цилиндръ, хотя это была почти лишняя предосторожность; черезъ пять минутъ онъ уже медленно шелъ по третьей улицѣ, многолюдной, останавливался передъ освѣщенными окнами магазиновъ. Прохожіе спѣшили, толкали его. Одинъ сталъ у окна съ нимъ рядомъ. Валерьянъ, не глядя на него, сказалъ ему какое-то слово и тотчасъ пошелъ дальше.

Такъ все и кончилось.

Послѣ того вскорѣ Валерьянъ уѣхалъ за границу. Уѣхалъ и вернулся.

Были за это время неприятности. Были «жертвы». Какъ безъ этого? А дѣло удалось вполне.

III.

За темноту еще стали подниматься.

Валерьянъ вышелъ въ конюшню. Тамъ тепло съ мороза и парно. Любимый его «Чалый» посмотрѣлъ на него обожавшимъ и влаж-

нымъ взглядомъ. Валерьянъ положилъ ему руку на спину. Божа была чуткая, живая и трепетная подъ ладонью.

«Живеть, тоже»,—подумалъ съ тоской Валерьянъ. Съ тоской и съ радостью.

Чалый сегодня не поѣдетъ. Вчера ѣздилъ. Другая лошадь у Ивана Трофимова похуже, и онъ ее не такъ любитъ.

А на Чаломъ ему весело подчасъ прокатить завѣтнаго сѣдока— тайнаго друга, въ рѣдкій, осторожный часъ условленнаго свиданья— перекинуться тремя нужными словами, лихо подвести его къ ресторану, получивъ «на чаекъ».

Ахъ, да не все ли равно. Одна лошадь, другая... Скоро всѣмъ имъ конецъ.

Выѣхалъ поздно. Шагомъ ѣдетъ по каналу, придерживая вожжи. Сѣдока не скоро возьметъ,—некогда.

День сѣрый, темный. Морозно, а темно. Вотъ тутъ недалеко и ворота, куда онъ вошелъ въ сумерки, зная, что встрѣтитъ плотнаго человѣка съ давно знакомымъ лицомъ, и зная, что убьетъ его.

Валерьянъ не видѣлъ лица послѣ выстрѣловъ, но онъ раньше такъ привыкъ къ нему, такъ твердо все въ немъ примѣтилъ и запомнилъ, что ему легко было вообразить себѣ, какое оно было мертвое. Глаза, навѣрно, не закрылись, а только скосило ихъ. Пули въ голову попали не надъ глазами—выше. Кверху, значить, раздроблено было. Въ гробу закрытый, вѣрно, лежалъ.

Потомъ Валерьянъ захотѣлъ представить себѣ мертвымъ одного близкаго человѣка, котораго недавно выслѣдили слѣдители-враги, и тоже убили. Но милаго лица мертвымъ почему-то не смогъ вообразить. А вѣдь оно мертвое, какъ и у плотнаго генерала.

Были живые—стали мертвые.

Валерьянъ сплюнулъ и забралъ вожжи покрѣпче, лошадь тронула было рысью, но скоро опять пошла шагомъ. Мертвые думы о мертвыхъ не отставали. Ужъ и лица живыхъ стали видѣться, какъ мертвые. И свое лицо: блѣдноватое, молодое, съ выдавшимися скулами. Ну что-жъ. Оно будетъ. И навѣрно очень скоро.

Было такъ не страшно думать объ этомъ, какъ будто оно стояло не впереди, а ужъ позади. Только холоднѣе сдѣлалось, но и холодокъ не неприятный, а успокоительный.

Когда онъ черезъ нѣсколько времени увидалъ промелькнувшее, знакомое лицо человѣка, за которымъ теперь тайно слѣдилъ и который тоже очень скоро долженъ былъ сдѣлаться мертвымъ,—опять успокоительный холодокъ тронулъ его плечи.

Встрѣтилъ онъ человѣка этого какъ разъ тамъ, гдѣ ждалъ встрѣтить. Значить, расчеты вѣрны. Значить, скоро.

Теперь и сѣдока можно взять, недалекаго, чтобы посидѣть потомъ во-время назадъ, къ тому углу, гдѣ стать нужно.

Сѣдокъ скоро попался, хмурый, гадкій, съ портфелемъ. Сѣлъ, не торгуясь.

— Пошелъ же, чортъ! Везешь, какъ скотина.

Валерьянъ сдѣлалъ видъ, что торопится, но торопиться ему не хотѣлось.

На углу, вернувшись, отказалъ двоимъ, ждалъ. Смотрѣлъ на переминающагося отъ холода городского. Озябъ, носъ красный у городского. О чемъ думаетъ? И онъ будетъ мертвецъ.

Дождался опять того человѣка. Взвизгнула замерзшими колесами поданная карета, лошади озябли—дружно подхватили.

— Извозчикъ!

Валерьянъ вслушался, сразу спросилъ дешево, спѣшно посадилъ сѣдока.

Хоть и не на Чаломъ, а догнать тяжелую на снѣгу карету можно. Сѣдокъ только за шапку схватился.

Карету Валерьянъ, догнавъ, не обогналъ, а держался сзади, чуть-чуть умѣряя бѣгъ. Обогналъ тогда, когда карета остановилась у подъѣзда, у того самаго, у котораго она и должна была остановиться.

Обѣзжая ее близко, Валерьянъ взглянулъ въ окно, почти не повертывая головы, и еще разъ увидалъ лицо нужнаго человѣка.

Спокойно посмотрѣлъ на него, мертвый на мертваго, и проѣхалъ.

Его, именно этого, Валерьянъ зналъ прежде, еще тогда, когда у него было совсѣмъ другое лицо. Помнилъ смутно молодого студента на площадкѣ лаунъ-тенниса. Высокаго, съ живыми движеніями. И у самого Валерьяна, конечно, было другое лицо,—ему едва минуло тогда шесть лѣтъ. Въ деревнѣ, лѣтомъ. Онъ и деревню едва помнить: какъ сонъ давнишній. Можетъ, и не было. Можетъ, и не родной ему тотъ человѣкъ въ каретѣ. Почти четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ. Не видались. Не помнилось. Съ другого конца свѣта Валерьянъ подошелъ къ нему теперь и смотреть на него. Размышленіемъ знаетъ, что это долженъ быть тотъ самый, но ему все равно. Это человѣкъ, который Валерьяну сейчасъ нуженъ. Больше ничего.

Для студента Валерьянъ, маленькій мальчикъ въ родной усадьбѣ, давно мертвецъ. Для господина въ каретѣ, сейчасъ,—никакого Валерьяна нѣтъ совсѣмъ. Онъ его не видѣлъ, не замѣтилъ. Не зналъ, что черезъ окно кареты сію минуту взглянули на него, и взглянули, какъ на мертваго,—глаза мертвеца.

— Къ Малому Ярославцу, — сказалъ сѣдокъ. И прибавилъ еще какое-то слово.

Валерьянъ тотчасъ, охотно и громко, удерживая разгорячившуюся лошадь, заговорилъ съ нимъ, какъ добродушные извозчики разговариваютъ съ сѣдоками.

Не глядя почти, въ полоборота.

Среди разговора по хорошему, — сказали другъ другу все, что нужно. Дѣло — всегда кратко.

Валерьянъ лихо подвигнулъ къ подъѣзду. Сѣдокъ не обидѣлъ. Заплатилъ хорошо.

— Покорнѣйше благодаримъ вашу милость. Много довольны...

IV.

Въ этотъ вечеръ Валерьянъ вернулся позднѣе, заснулъ сейчасъ же какъ легъ.

Но проснулся задолго до свѣту, и лежалъ тихо, соображая.

Соображенія были тверды, опредѣленны, остры и коротки. Именно соображенія, а не мысли, не думы.

И вчера вѣдь не думалось, а такъ, случайно... Когда пришло въ голову, что дѣло его — шпионское, такъ и на этомъ вниманіе не остановилось надолго. Переменя въ немъ. Бывало, горѣлъ, плакалъ, негодовалъ, ненавидѣлъ, — а чѣмъ дольше и тверже дѣлалъ «дѣло», тѣмъ меньше было ненужнаго негодованія. Со дня удачнаго акта въ садикъ — совсѣмъ стало пустѣть, пустѣть внутри. И ненависти никакой. Ничего. Только дѣло.

А жизни — того, что называютъ жизнью — у Валерьяна не было и прежде, — никогда не было. У него была душа — и дѣло. Вокругъ этого — друзья, близкіе, съ которыми онъ вмѣстѣ дѣлалъ дѣло, и дальніе, ради которыхъ онъ дѣлалъ дѣло, за которыхъ боролся съ третьей и послѣдней частью человѣчества — съ врагами.

Вотъ и все. Такъ просто. Сама борьба была сложна, и требовала она не порывовъ огня и ненависти, а холодной выдержки, мертвой твердости, терпѣнья. Захватывала цѣльно. Вла безъ остатка. Не отнимала только послѣднее, что есть у человѣка своего, чего нельзя отнять — свою смерть.

И такъ хорошо.

V.

Иванъ Трофимовъ рассчитался, отошелъ. Хозяинъ жалѣлъ, выругался даже. А Иванъ Трофимовъ всетаки отошелъ, выбылъ на родину, по Николаевской дорогѣ.

Чалый съ Фодоромъ будетъ ѣздить. Фодоръ грубый и грузный. Бухарга Мавра—Ивана не жалѣеть. Былъ ничего мужикъ, справный и веселый, да только такой, Богъ съ нимъ; чтобы поиграть, какъ другіе—ни-ни. Ужъ очень богобоязненный.

VI.

Блѣдное небо. Блѣдный городъ. Въ вечеру морозъ крѣпнеть. Черная муть налѣзаетъ откуда-то. На углахъ—жаровни съ угольями, съ длинными, желтыми языками пламени. Они трещатъ, брызгая искрами, рвутся по вѣтру. Черные люди вокругъ что-то дѣлаютъ. Черныя тѣни отъ нихъ на снѣгу.

Лошади храпятъ и тепло, и устало дышать. Въ синеватомъ, жидкомъ газовомъ свѣтѣ фонарей протекаютъ мимо люди. Одинаковые, черные. Спѣшатъ, идутъ, что-то думаютъ. Кто-нибудь за кѣмъ-нибудь слѣдитъ, тайно выслѣживаетъ. Можетъ, другъ друга выслѣживаютъ.

Черезъ сто лѣтъ, въ такой же черный морозный вечеръ, ни одного изъ теперешнихъ, ни единого, не будетъ поверхъ земли. Всѣ будутъ внизу. Тамъ ужъ нельзя слѣдить. Слѣдить будутъ новые за новыми.

Поздно. Бостры гаснутъ. Морозъ крѣпнеть. Люди рѣже. Пора спать.

VII.

Въ пятомъ часу дня, когда густѣли сумерки, дѣлались ночью, вошелъ на деревянный пустынный мостъ черезъ каналъ челоувѣкъ обыкновеннаго вида, въ короткомъ пальто. Шелъ онъ медленно-медленно, точно усталый.

И каналъ былъ, какъ мостъ, безлюденъ. Чернѣли какіе-то прохожіе, два-три. Проѣхалъ кто-то. Въ голубовато-черной мглѣ, вдали, еще ѣдутъ.

Челоувѣкъ въ короткомъ пальто, совсѣмъ почти перейдя мостъ, остановился. Подождалъ. Потомъ медленно снялъ шапку, и медленно, истоиво, повернувшись къ периламъ, началъ креститься на почти невидную, черную церковь вдали, надъ чернымъ пятномъ деревьевъ.

Въ тотъ мигъ беззвучно и тяжело вздрогнулъ весь темный воздухъ. Звукъ онъ принялъ и отдалъ только въ слѣдующее мгновенье. Глухо и коротко, каменно, буркнули дома. Потомъ хряснуло, въ три удара, одинъ выше другого. Жидкій плескъ разбитаго стекла прорвался наверхъ. Клубы грузной, снѣжной и земляной пыли, бѣловато-сѣраго

дыма, взметнулись и поплыли нестройно, качаясь, какъ пьяные. Звѣриный крикъ и храпъ, топотъ, визгъ и свистъ, черная, бьющаяся куча въ пыльномъ дыму на снѣгу, куча все разрастающаяся, кашащая чернымъ.

Бѣжали, сбѣгались, разбѣгались... и все сбѣгались, одинъ на другого валились, плотнѣли, кричали и свистѣли. Въ серединѣ все такъ же то вздымалась, то падала главная, самая черная чернота.

Вдвинулся въ кольцо и человекъ, который крестился на мосту. Кричали, продирались внутрь. Внутри, изъ-подъ горячихъ, дымящихся кусковъ, вынимали тѣло, въ разорванной одеждѣ, странно короткое. Только тѣло, туловище. Ногъ не было. Вынули, цѣлая голова, безъ шапки, свѣсилась назадъ и качалась, съ мертвыми, взъерошенными волосами. Вынули, подняли, понесли. Высокая, темная куча въ серединѣ—умирающіе звѣри,—еще шевелилась, дышала. Давно крича, кого-то хватали, потомъ отпускали, потому что хватали другъ друга. Никто ничего не зналъ, не видѣлъ; всѣ, кто тутъ сейчасъ былъ—сбѣжались ужъ послѣ того, какъ дрогнувъ воздухъ, и дѣло было сдѣлано.

Человекъ въ короткомъ пальто долго стоялъ въ толпѣ. Многіе уходили, а онъ все стоялъ. Могъ и онъ уйти, а стоялъ. Видѣлъ, какъ несли вынудое тѣло и качалась, свѣсившись, голова.

Вдругъ онъ дернулся впередъ, къ огнямъ, къ растерянному человеку въ формѣ, который махалъ руками, сталъ передъ нимъ и громко произнесъ:

— Я убилъ.

Человекъ въ формѣ оцѣпенѣлъ, потомъ, сразу кинувшись, схватилъ его за плечи. Какіе-то другіе люди цѣлко впились ему сзади въ руки.

Закричали всѣ.

Потомъ его потащили сквозь толпу, тащили сразу человекъ шесть или восемь одного, такъ что даже мѣшали идти, притащили къ санямъ, впихнули, обняли, и повезли.

Ругались. Человекъ молчалъ.

Вдогонку поѣхало еще много саней съ людьми.

— Энтотъ, энтотъ самый!—сказалъ громко худой городской изъ оставшихся.—Сряду схватили. Я самъ видѣлъ, энтотъ и есть.

— Расходись, расходись!

Огни шевелились. Переминающимися, сгученными лошадьми оцѣпили черное широкое пятно на дорогѣ. Въ связномъ стынущемъ шумѣ не было отдѣльныхъ звуковъ. Все слито. Все смѣшано.

VIII.

Прошелъ и этотъ день, и еще другіе.

Человѣкъ, котораго, обнявъ, увезли, привезли куда надо было. Стали спрашивать. Онъ опять сказалъ:

— Я убилъ.

Его еще спрашивали, но онъ молчалъ. Что ни спрашивали, кто ни спрашивалъ, когда ни спрашивали—онъ молчалъ. При немъ не нашли ничего, чего не могло бы быть у сотни другихъ людей. Одежда его, вся, тоже была, какъ у ста другихъ. Онъ не говорилъ своего имени, и никто не могъ узнать его въ лицо. Всѣмъ казалось, что видѣли его, а узнать не могли. Стараясь угадать—притворялись, что узнали. Называли тѣмъ именемъ, другимъ.

Онъ молчалъ.

Сердились, мучились. Требовали, чтобы онъ хоть сказалъ, что не хочетъ говорить.

Ужъ не сумасшедшій ли? Но самъ утверждаетъ, что убилъ, и не какъ сумасшедшій, а какъ человѣкъ, который убилъ. Нашлись свидѣтели: «сами видѣли», что онъ «тутъ маячилъ, потомъ подбѣжалъ и шваркнулъ, и прочь кинулся». Другіе не видали, что «прочь кинулся», а только что «шваркнулъ» и «этотъ самый».

Какъ же не онъ? Другихъ, кого похватили сгоряча—отпустили: свои оказались. И изъ такихъ никого не было при мѣстѣ, когда сбѣжался народъ. Бучеръ бы сказалъ—да кучера убило.

Ясно, этотъ одинъ. Онъ.

Наблюдали за нимъ, запертымъ. По привычкамъ, по манерамъ не угадаютъ ли, кто.

Но онъ—ничего. Сидѣлъ, молчалъ. Спать ложился, спалъ. Въ молча. Ни къ стѣнамъ, ни къ окну не подходилъ.

Посылали къ нему разныхъ людей. Одинъ пришелъ и объявилъ, что онъ защитникъ. Арестантъ поглядѣлъ просто, но и ему ничего не сказалъ.

Нечего было больше дѣлать. Надо судить.

IX.

Такъ дни шли ровно. Случалось, никто къ нему не приходилъ и ни къ кому его не водили.

Вотъ повели. Онъ покорно шелъ, какъ всегда. Привели,—недалеко, въ другую камеру, пустую. Заперли. Онъ сѣлъ.

Потомъ дверь опять визгнула—и вошла старуха. Старая, полу-